

СЕРИЯ «ПРАВОСЛАВИЕ В ЖИЗНИ»

А. И. ОСИПОВ,
заслуженный профессор
Московской Духовной Академии

НУЖНА ЛИ СВЯТОСТЬ ЧЕЛОВЕКУ?

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2015

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 15-501-0012*

Осипов А. И.

074 Нужна ли святость человеку? — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. — 160 с. — (Православие в жизни).

Что такое православная святость? Как она приобретается? Что представляет собой святой человек? Автор, заслуженный профессор Московской Духовной Академии, отвечает на эти вопросы, опираясь на святоотеческое учение. Но как современному человеку применить опыт святых отцов для устройства собственной духовной жизни? Неоценимую помощь здесь может оказать пример подвижников, близких нам по времени, глубоко изучивших творения святых отцов и своей жизнью доказавших истинность православного пути к святости. Один из таких духовно опытных подвижников XX века — игумен Никон (Воробьев; †1963). Книга содержит жизнеописание игумена Никона и его наставления, которые помогают лучше понять духовную жизнь в Православии и осознать опасности, подстерегающие верующего на пути к Богу.

УДК 242
ББК 86 372

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2015
© Осипов А. И., текст, 2015

ISBN 978-5-88017-496-6

*Путь к святости*¹

Как точно показаны главные пороки человека в искушениях Христа во время Его сорокадневного поста! Дьявол предлагает Ему камни превратить в хлебы; дать все царства мира за поклонение себе; и, наконец, совершить уже откровенно безумный поступок: чтобы показать Свое Божественное достоинство, гордо броситься с крыши храма. Любимый ученик Христа апостол Иоанн в этих искушениях видит выражение самой сущности так называемого мирского содержания жизни, оторванной от мысли о Боге. Он пишет: *Всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего* (1 Ин. 2: 16).

Преподобный авва Дорофей (VI век) разъясняет эту мысль в более конкретных понятиях, усматривая сущность этих искушений

¹ Выступление на конференции «Сергиевские научно-богословские чтения» в МПДА, посвященной 700-летию рождения прп. Сергия Радонежского.

в трех самых основных страстях: сластолюбии (стремление к наслаждению), сребролюбии (желание богатства), славолюбии (жажда славы и власти), и указывает, что все они исходят из одного источника — гордости.

Евангелие сообщает о том, как Христос отверг все их, противопоставив Свой путь жизни человека пути мира: 1) *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим* (Лк. 4: 4), 2) *Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи* (Лк. 4: 8), 3) *не искушай Господа Бога твоего* (Лк. 4: 12).

Но человечество в целом живет именно этими страстями, культивирует их и жаждет их исполнения как в личной, так и в общественной жизни. Целые философские системы обосновывают их ценность, всё научно-техническое развитие направлено на их максимальную реализацию.

Однако история жизни как отдельного человека, так и целых народов и всего человечества ярко показывает, к каким пагубным последствиям приводит такое исключившее Бога из жизни мировоззрение. Оно становится опаснейшим врагом человека. Ибо алчность, жажда власти и гордыня, став господствующими в душе, в самом корне разрушают ее, порождая вражду, ненависть,

зависть, убийства, предательства и прочие бедствия, нарушая мир между людьми и народами. И никакая внешняя власть не в состоянии остановить это зло: ни мудрый законодатель, ни гениальный философ и ученый, ни политик, насытивший народ хлебом и зрелищами. «...Ни в каком устройстве общества, — писал Ф. М. Достоевский, — не избегнете зла... душа человеческая останется та же... ненормальность и грех исходят из нее самой...»

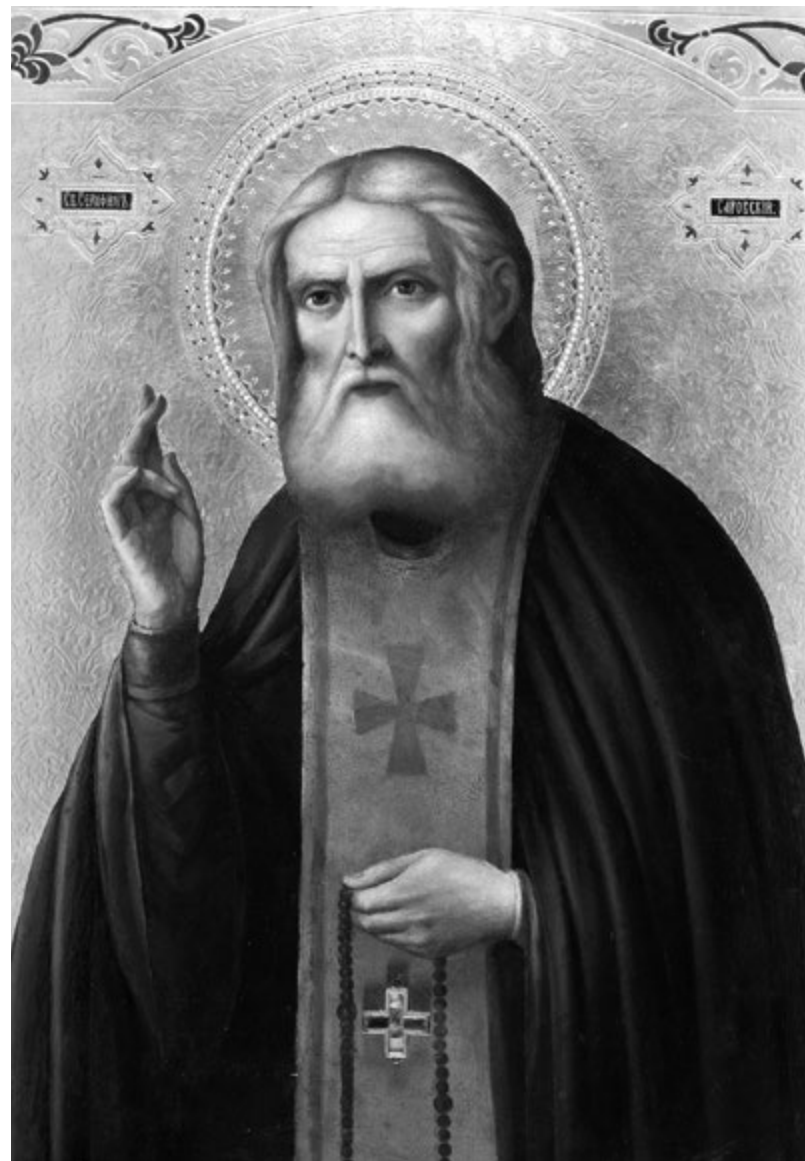
В «Братьях Карамазовых» в уста беса он влагает следующие потрясающие по своей психологической глубине слова: «По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! С этого, с этого надобно начинать, — о слепцы, ничего не понимающие! Раз человечество отречется поголовно от Бога... то само собою, без антропофагии, падет всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни всё, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог.

<...> ...Ему „всё позволено“. <...> Для бога не существует закона! Где станет бог — там уже место божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... „всё дозволено“ и шабаш!»

Православие предлагает совершенно иное видение смысла жизни человека. Оно призывает человека к очищению души от этих разрушительных страстей, открывает путь к святости. Убедительным свидетельством истинности Православия является множество примеров жизни тех подвижников, которые «мечом и луком» достигали духовного совершенства.

Что же такое православная святость, как приобретается она, каковы ее основные свойства и критерии, что представляет собой святой человек?

Абсолютной святостью является Бог, потому и святость человека есть не что иное, как причастность Богу (см.: 2 Петр. 1: 4), духовное уподобление Ему, обожение, или, как говорил преподобный Серафим Саровский, «стяжание Духа Святого». Главнейшие свойства Бога, которые с особой очевидностью открылись в Боговоплощении и на Голгофе, — любовь и смирение. Степень приобретения этих свойств определяется

уровень святости человека. При этом Священное Писание и святоотеческое учение подчеркивают, что все прочие добрые свойства и добродетели человека получают свое положительное содержание только на твердом фундаменте этих основополагающих краеугольных камней и без них теряют всю свою ценность.

Апостол Павел писал о любви: *Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13: 2–3). О смирении же святые отцы говорят как об основе и источнике самой истинной любви. Насколько оно необходимо в духовной жизни, в кратких и сильных словах сказал, например, святой Исаак Сирий (VII век): «Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели... <...> ...Потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание»².

Но как достигается святость?

² *Авва Исаак Сириянин*. Слова подвижнические. М., 1858. Слово 46. С. 289.

Прежде чем говорить об этом, необходимо сделать одно существенное замечание. В основе православного рассмотрения любых вопросов веры и жизни лежит обращение к святоотеческому учению как единственно достоверному источнику понимания Божественного Откровения. Причина этого очевидна: только приобщение человека Духу Божию может гарантировать истинность его суждений. И когда определенная мысль высказывается не одним святым отцом, но многими, то это свидетельствует о том, что она является не мнением человеческим, но откровением Духа Божия и, следовательно, есть сама истина.

Этим критерием Православие принципиально отличается как от католицизма, в котором последним гарантом истины признаётся слово одного человека — римского папы, так и от протестантизма, где вероучение любой общины и даже одного человека оказывается столь же авторитетным, как и любых других, чем полностью перечеркивается само понятие истинности в религии. Это в том и другом случае пагубно отражается и на понимании духовной жизни.

В Православии понятие святости проистекает из единства опыта богопознания

великих подвижников древней Церкви. Этот опыт служит объективным критерием в оценке всех явлений духовной жизни и дает возможность христианину правильно оценить собственные духовные состояния. В современных условиях этот критерий особенно важен. Ибо понятие о духовной жизни всё больше подвергается различным инородным влияниям. Мерилом духовности верующего нередко становится не любовь и доброжелательство к каждому человеку, не терпение недостатков ближнего, не честность в поступках, а такое понимание воцерковленности, которое всю религиозную жизнь сводит к исполнению внешних церковных установлений и/или «умовому», по выражению святителя Феофана Затворника, знанию христианского учения.

Отсюда само понимание святости человека приобретает ложный характер. Она оценивается на основании народных слухов, плохо поддающихся проверке случаев прозорливости, исцелений, изгнания бесов, предсказаний и особенно чудес.

Вопрос о чудесах в оценке святости становится чрезвычайно важным, поскольку для верующего, незнакомого с учением святых отцов, чудеса оказываются самым

главным доказательством святости человека. Такой верующий даже не подразумевает, что чудеса могут иметь различную природу, исходить не только от святого человека, но и от находящегося в бесовской прелести, и даже от природных способностей человека, то есть могут иметь разные источники, и непонимание этого может привести к трагическим последствиям. Об этом предупредил верующих Сам Господь: *Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам* (Мф. 24: 24–25). Об этой опасности предупреждают и святые отцы. Так, например, преподобный Кассиан Римлянин (V век) писал: «...никто не должен быть прославляем за дары и чудеса Божии... Ибо весьма часто... люди, развращенные умом и противники веры, именем Господа изгоняют демонов и творят великие чудеса»³.

Чудеса, оказывается, сами по себе не являются определяющим признаком святости человека. Нужно крайне осторожно относиться к любым необычным явлениям

³ *Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М., 1892. С. 444.*

и — пока нет возможности удостовериться в характере происшедшего и, прежде всего, в духовной целостности совершителя — не спешить принимать их за чудо Божие. Не чудеса свидетельствуют о святости человека, а, напротив, святая жизнь того, через кого они совершаются, — вот что доказывает их истинность.

Но лжечудеса, как правило, происходят с теми, кто ищет чудес или внутренне считает себя достойным видеть и получать их, кто впал в самомнение (прелесть), кто ищет исцеления любой ценой, нисколько не задумываясь о том, каков источник этого исцеления и что принесет оно душе — пользу или вред.

Один из опытнейших духовных наставников XIX столетия святитель Игнатий (Брянчанинов) подробно пишет о губительности легковерия чудесам и искания их⁴. В одном из своих творений он приводит слова преподобного Кассиана Римлянина: «Чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни». И объясняет, что в отличие

⁴ См., например: *Еп. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения.* СПб., 1905. Т. 4. «Беседа в понедельник 29-й недели по Пятидесятнице. О чудесах и знамениях».

от язычников, не думающих о будущей жизни и жаждущих чудес для земного благополучия, христианин должен искать пользы душевной, исцеления от страстей для достижения вечности. Более того, святитель Игнатий, видя языческий настрой народа, предупреждает и предсказывает:

«С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности, знаменосные мужи умалаялись. Наконец, они иссякли окончательно. Между тем человеки, потеряв благоговение и уважение ко всему священному, потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, жаждут чудес более, нежели когда-либо. Человеки, в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством, стремятся безразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному, не отказываются сами быть участниками в совершении чудес, решаются на это, нисколько не задумываясь. Такое направление опасно более, нежели когда-либо. Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное позорище⁵ много-

⁵ Позорище (*церк.-слав.*) — зрелище. — *Ред.*

численных и поразительных ложных чудес, увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами»⁶.

В одном из писем святитель Игнатий говорит о той страшной беде, которая грозит на наш народ за его легковёрность разным чудесам: «Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль⁷ (см.: Мф. 5: 13) предвещает их и ясно обнаруживает, что [наш] народ может и должен соделаться орудием гения из гениев, который, наконец, осуществит мысль о всемирной монархии...» Святитель Игнатий называет обуявшей солью состояние Православия в России, гением из гениев — антихриста, и наш народ — орудием его всемирного воцарения.

Как же христианину относиться ко всему, что предстает как чудо? Святитель Игнатий, обращаясь к Священному Преданию Церкви, говорит о необходимости большой осторожности: «Христианские аскетические наставники заповедуют не обращать

⁶ *Еп. Игнатий (Брянчанинов)*. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 323–324.

⁷ Обуявшая соль (*церк.-слав.*) — испорченная, потерявшая силу соль. — *Ред.*

особенного внимания на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным: заповедают соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность».

Святитель Игнатий дает замечательный совет: «Святые отцы повелевают подвижнику молитвы при случающихся явлениях вне и внутри себя пребывать равнодушным к ним и не внимать им, не признавая себя достойным видения святого. Они завещают, с одной стороны, не порицать явления, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой — никак не вверяться явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа...» Это предупреждение распространяется на любого христианина, оказавшегося перед лицом необычного явления. Данный совет может быть выражен кратко: «Не хули и не принимай!» Но, увы, ради чуда многие готовы отказаться и от веры своих святых отцов, устремляясь к *иным богам* (Втор. 6: 14).

Часто цитируемый святителем преподобный Григорий Синаит (XIV век) призывает: «...никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела,

или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме. <...> Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то... легко... прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого...»

Святоотеческий опыт указывает, прежде всего, на важнейшие критерии правильной духовной жизни. И первым из них является не чудо, не прозорливость и прочее, а видение подвижником своего личного нравственного и духовного несовершенства, своей греховности, глубокой болезненности самой природы человеческой и невозможности лишь собственными силами ее исцеления. Как писал преподобный Петр Дамаскин (VIII век), первым признаком начинающегося здравия души является видение грехов своих бесчисленных, как песок морской⁸. (Этим, кстати, христианская антропология принципиально отличается как от гуманистической, так и от всех других религиозных антропологий, отрицающих

⁸ *Св. Петр Дамаскин*. Творения. Книга первая. Киев, 1902. С. 33.

наследственную порчу человека.) В богословии эта «генетическая» поврежденность человека именуется первородным грехом. Это видение необходимо для правильного духовного развития человека по той причине, что без него невозможно приобретение смирения — основы всей духовной жизни.

О безусловной важности смирения говорит грехопадение первого идеально созданного человека. Событие это лежит в основе понимания всего христианского учения о человеке и спасении. Оно показывает, что ни совершенное знание тварного мира и власть над ним, ни богоподобная слава, ни полнота внутреннего и внешнего блаженства, которыми обладал первозданный человек, еще не гарантируют ему непоколебимую твердость пребывания в добре, истине и красоте образа Божия. Забвение им своей несамобытности и в то же время осознание своих совершенств в этом мире может, оказывается, легко привести к возникновению горделивого ощущения себя Богом (см.: Быт. 3: 5), к противопоставлению себя Ему и подвигнуть к безумному бунту против Того, Кем он живет, и движется, и существует (см.: Деян. 17: 28).

Поэтому только личное опытное познание своего несовершенства, проистекающее из опыта правильной духовной жизни, видения своих грехов и той глубокой поврежденности человеческой природы, которую сам человек не в состоянии исцелить никакими подвигами, дает возможность понять необходимость Христа, уверовать в Него как Спасителя и породить истинную веру, «непадательную», делающую человека святым. Такое духовное состояние именуется смирением и является залогом сохранения человека от возможного повторного отпадения от Бога, дает ему возможность вечного пребывания в Боге-любви.

И, напротив, как пишет святитель Игнатий, «несознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином (хотя бы формально был им. — *А. О.*). К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою?..»⁹

Как приобретается такое видение себя? Преподобный Симеон Новый Богослов

⁹ *Еп. Игнатий (Брянчанинов)*. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 378.